

Петербургские отклики.

В. Чужовъ пиру похмелею.

На этой неделе министерство внутренних дел приняло решение о введении в действие городского закона о муниципальной администрации. Этот закон, который был разработан в течение нескольких месяцев, должен был быть принят еще в начале года. Однако из-за различных обстоятельств его принятие было отложено. Теперь же, когда закон наконец принят, можно считать, что муниципальная администрация в Петербурге будет работать более эффективно.

23 мая местный градоначальник издал обязательное постановление, направленное к упорядочению трамвайного движения. Оно карает штрафом до 500 руб. или арестом до трех месяцев за нарушение правил движения. Это постановление вызвало много шума, так как многие считали его слишком строгим. Однако, как оказалось, оно было необходимо для улучшения порядка на улицах города.

Правда, администрация наша компрометируется. Градоначальник предлагает отменить с постройкой метрополитана, но до подобных случаев времени мысленному покаянию дожить не удастся, ибо на предварительном рассмотрении вопроса о метрополитане требуется десятилетия, а не месяцы. Поэтому, как бы ни было, градоначальник должен был бы более внимательно относиться к своим обязанностям.

Там, где казусами дарит нас столица, высшие представители власти, где жизнь почитается наиболее культурной и удобно обставленной. Что же происходит тогда в провинции, в глуши Сибири, на окраинах? Там, где жизнь так далека от столицы, где люди живут в условиях крайней бедности и невежества.

Трамвай лишь одно из больших мест петербургского городского управления — все же не перечислять. В городе, расположенном на многоводной и быстрой реке, жить в нем для людей, ни для других, ни для животных. Это означает, что город должен быть лучше оборудован для жизни своих жителей.

Поэтому столкновений с трамвайной администрацией, публике приходится по часу ожидать нужного маршрута, страдать от пыли, спертого воздуха, тесноты, сидеть на койках, в ожидании, чтобы на поезде сядились. Это не только неудобно, но и опасно для здоровья.

Управление городских желательных дорог опубликовало любительный анализ о количестве пассажиров, пользовавшихся услугами трамвая в течение прошлого года и принесших в городскую кассу свыше 16 миллионов рублей. Оказалось, что только зимой 1913 года в трамвайных вагонах переехало 160,824,600 пассажиров, в прицепных — 63,824,500, причем сверхкомплектных в трамвайных вагонах было 13 пропущенных, в прицепных 81 пропущенный. Это говорит о том, что трамвай является очень популярным видом транспорта.

Управление городских желательных дорог опубликовало любительный анализ о количестве пассажиров, пользовавшихся услугами трамвая в течение прошлого года и принесших в городскую кассу свыше 16 миллионов рублей. Оказалось, что только зимой 1913 года в трамвайных вагонах переехало 160,824,600 пассажиров, в прицепных — 63,824,500, причем сверхкомплектных в трамвайных вагонах было 13 пропущенных, в прицепных 81 пропущенный. Это говорит о том, что трамвай является очень популярным видом транспорта.

Петербургские.

Ничего о воспитании.

В последнее время и периодическая печать, и общество уделяют не мало внимания исследованию причин участвующих

в наши дни случаев самоубийств среди учащихся, и, кстати сказать, почти всегда по поводу самоубийств не серьезных.

В чем же секрет этого тяжелого психологического явления? Неужели из-за того, как это многие склонны думать, что преподаватели стали хуже или, вообще, преподавательский режим не соответствует переживаемому нами моменту? Конечно, суть вещей не в этом. Ведь прежде и режим был куда суровее, и преподаватели были не менее строгими, наконец, были и не одни только дурные отпрыски, причинявшие школьникам огорчения, а существовали даже и уважаемые преподаватели за их или чужие провинности, и, тем не менее, никому из учащихся того времени не приходило в голову ни впасть, ни стреляться, ни топить. Очевидно, в наше время что-то изменилось в другом отношении, явились какие-то новые обстоятельства, повлекшие за собой столь ужасные случаи из нашей современной школы.

Нам кажется, что одну из главных причин следует искать в крайней слабости религиозно-нравственного воспитания, а как следствие этого последнего, — общей дряблости характера и общего нашего равнодушия к этим вопросам.

Многие ли, в самом деле, задумываются над воспитанием в широком значении этого слова? Разве много уделяют должного внимания этому серьезному вопросу даже те из интеллигентных родителей, которые, казалось бы, больше всего могли бы сделать для того, чтобы в этом отношении? Главная задача большинства родителей сводится, главным образом, к тому, чтобы поместить ребенка в то или иное учебное заведение, и затем они считают свою миссию законченной. С этим согласиться никак нельзя.

Воспитание начинается со дня рождения, продолжается в дошкольном периоде и затем уже в школе. Начала воспитания должны лежать на принципах религиозно-нравственной морали, и эти начала должны быть заложены в души детей прежде всего самими родителями. Такого рода воспитание есть залог бодрости духа, который должен быть неразлучным спутником и помощником всякого школьника. Если же родители, по тем или иным причинам, своего долга не исполняют, то труд исправить этот недостаток должен взять на себя школа и притом такая, какой ее хотелось бы видеть во всем ее строе, т. е. таковой, которая была бы в своем основании не только официально заботой о религиозно-нравственном воспитании, а серьезным убеждением в абсолютной необходимости его, и независимо от платонического убеждения, стремилась бы создать такие условия, при которых это воспитание могло бы достигнуть своей цели. Вот в этих условиях и кроется вся суть дела и залог успеха.

Существует, между прочим, хитрое мнение, что бодрость привлекает учащихся к учебе, бодрость разнообразия школьных занятий, — мы же позволим себе думать, что эти развлечения едва ли достаточны, и не отрицают их в принципе, убеждая, что для всестороннего развития и укрепления всех духовных сил школьник необходим еще и другие более могущественные по своим последствиям методы; нам думается, что методами этими являются именно приемы религиозно-нравственного воспитания. Только они способны нраву, только они пробуждают и укрепляют волю, а эта последняя является тем источником бодрого духа, который не только в детстве, но и во всем жизненном пути.

Тяжелый и ответственный труд воспитания, она видит на сцене только его одного и слышит только его голос. Она — в розовом тумане и вся во власти сказочных грезов.

Конечно, — спектакль окончен. Зал постепенно пустеет, но Ольга Петровна не спешит выйти из ложи.

— Пусть тыла разойдется, — говорит она Лидусу, — иначе нас затолкают около вешалки.

Лидус проводит рукой по лбу и с иронией приподнимает:

— Где же я? Ах, да, в театре! И только что она видела Поволожину. Она говорит — она упивалась музыкой его голоса. Как это было сладко и как теперь тускло, когда его уже нет.

— Идем, дочурка, теперь можно. Они выходят и направляются к вешалкам.

Потом — подвздош, парная собственная сани с бороздами Степаном, вояны «Мира» и «Сталла» и много-много пушного сидла.

Лидус жмется в своей шубке и смывается, когда сбитый сбит скривить под ногами.

Но вдруг смех застывает на ее устах и она чувствует, как по тазу ей пробегает горячий волна.

К Ольге Петровне подходит мужчина. И Лидус узнает его, — это он, это Лидус-Поволожин.

Он издает перчатку Ольги Петровны и что то говорит. Что именно — Лидус не расслышал, но очевидно что то приятное, потому что мамочка отвечает улыбкой и утвердительными живыми словами.

Боже, неужели он? И к ней, к Лидусу, подходит? Ах, что тогда будет? Она непременно сконфузится. Но какое это будет счастье.

Однако, нет! Поволожин не думает подойти и только изгибается сзади перед ней шлупу при словах Ольги Петровны:

— Моя дочь! Что это значит? Мамочка говорит, совмещает не то, что нужно. Она говорит: — Базай домой, дочка, а я пойду... в клуб... Да, да, в клуб...

И добавляет, обращаясь к кучеру: — Степан, отвези барыню домой. Только смотри, не опрокинь саней на порогах.

Лидус в полусне чувствует, как мама ее целует в губы и забавно усаживает ее в сани. Потом Степан кричит: — Сани, так же мягко шурша полами, как с вечера, быстро уносятся прочь от театра.

Она оглядывается и видит, как Поволожин, взяв Ольгу Петровну под руку, ведет ее к автомобилю.

— Лидус, — слышит она из Лидуса, — не существует один лишь Поволожин, она видит на сцене только его одного и слышит только его голос. Она — в розовом тумане и вся во власти сказочных грезов.

Конечно, — спектакль окончен. Зал постепенно пустеет, но Ольга Петровна не спешит выйти из ложи. Пусть тыла разойдется, — говорит она Лидусу, — иначе нас затолкают около вешалки.

Лидус проводит рукой по лбу и с иронией приподнимает:

тани, а чаще всего перевоспитания в школе, конечно, достаются на все администрации школы в сороте, но, несомненно, преобладающее значение в этом деле должно принадлежать священнику-законнику. Законник этот не может быть только преподавателем Закона Божия, а, само собою разумеется, должен быть проникнут также сознанием нравственной обязанности быть в то же время тем, что принято понимать под именем «пастыря доброго». Законник не должен быть классным наставником, общими духовными отцом всего учебного заведения в широком значении этого слова. Таким требованиям, по нашему мнению, должен быть удовлетворен и самый чин священника-законника.

Разматывая далее вопрос о том, в чем фактически заключается обязанная деятельность священника в современной школе, как воспитателя, приходится прийти к грустному заключению, что она, в большинстве случаев, сводится почти к нулю.

Законники чаще всего являются не более как преподавателями Закона Божия, у которых едва хватает времени на прохождение «программы», и едва ли можно сомневаться, что при этих условиях, т. е. при прохождении одних только учебников по Закону Божию невозможно вдохнуть в детей серьезный интерес к исполнению ими религии, живую веру и любовь к исполнению ими Бога и своему ближнему и, стало быть, воспитать их на принципах строгой христианской морали.

Нельзя, конечно, всю ответственность за воспитание сваливать на плечи священника, он должен быть в этом отношении только главным руководителем, все же остальные наставники школы должны быть его усердными сотрудниками.

Итак, несомненно, что одних учебников мало; необходимо нечто дополнительное, нужно живое горячее слово вдохновенного проповедника, нужна соответствующая обстановка, необходимо постоянное отеческое общение детей с их законоучителем-наставником и при этом не громким, не карающим, а таким, в котором дети были бы открытой душой и с полной уверенностью найти у него разрешение волнующих их вопросов.

Невольно и естественно рождается вопрос, все ли священники-законники, не касаясь их личных способностей, находятся в условиях, при которых они могли бы, если бы пожелали, выполнить предлагаемую задачу? Можно с уверенностью сказать, что в 90 проц. учебных заведений условия далеко не соответствующие.

Много ли времени законники могут уделять школе? В лучшем случае они в ней бывают от звонка от звонка, а затем спешат в другое учебное заведение, а из этого последнего в следующее.

Всегда усталый и озабоченный, священник-законник в состоянии ли найти время и собраться с мыслями для того, чтобы, подготовившись, вести с детьми хотя бы краткие беседы о жизни, о нравственности и о духовных законах? Конечно, нет, да и быть так не может. Но все же, если бы было время, то законники могли бы сделать много для воспитания детей. Они могли бы читать нравы, только они пробуждают и укрепляют волю, а эта последняя является тем источником бодрого духа, который не только в детстве, но и во всем жизненном пути.

Тяжелый и ответственный труд воспитания, она видит на сцене только его одного и слышит только его голос. Она — в розовом тумане и вся во власти сказочных грезов.

Конечно, — спектакль окончен. Зал постепенно пустеет, но Ольга Петровна не спешит выйти из ложи. Пусть тыла разойдется, — говорит она Лидусу, — иначе нас затолкают около вешалки.

Лидус проводит рукой по лбу и с иронией приподнимает:

— Где же я? Ах, да, в театре! И только что она видела Поволожину. Она говорит — она упивалась музыкой его голоса. Как это было сладко и как теперь тускло, когда его уже нет.

— Идем, дочурка, теперь можно. Они выходят и направляются к вешалкам.

Потом — подвздош, парная собственная сани с бороздами Степаном, вояны «Мира» и «Сталла» и много-много пушного сидла.

Лидус жмется в своей шубке и смывается, когда сбитый сбит скривить под ногами.

Но вдруг смех застывает на ее устах и она чувствует, как по тазу ей пробегает горячий волна.

К Ольге Петровне подходит мужчина. И Лидус узнает его, — это он, это Лидус-Поволожин.

Он издает перчатку Ольги Петровны и что то говорит. Что именно — Лидус не расслышал, но очевидно что то приятное, потому что мамочка отвечает улыбкой и утвердительными живыми словами.

Боже, неужели он? И к ней, к Лидусу, подходит? Ах, что тогда будет? Она непременно сконфузится. Но какое это будет счастье.

Однако, нет! Поволожин не думает подойти и только изгибается сзади перед ней шлупу при словах Ольги Петровны:

— Моя дочь! Что это значит? Мамочка говорит, совмещает не то, что нужно. Она говорит: — Базай домой, дочка, а я пойду... в клуб... Да, да, в клуб...

И добавляет, обращаясь к кучеру: — Степан, отвези барыню домой. Только смотри, не опрокинь саней на порогах.

Лидус в полусне чувствует, как мама ее целует в губы и забавно усаживает ее в сани. Потом Степан кричит: — Сани, так же мягко шурша полами, как с вечера, быстро уносятся прочь от театра.

Она оглядывается и видит, как Поволожин, взяв Ольгу Петровну под руку, ведет ее к автомобилю.

ной школы, то все-таки священнику, не принадлежащему к данному приходу, не всегда возможно выступить со специальной проповедью, и, стало быть, дети в этом случае вынуждены слушать проповедь приходского священника, не всегда приспособленную к их детскому пониманию. Быть может, указать время и место утренней общей молитвы? Конечно, лучше, что — нибудь, чем равно ничего, но что можно сказать в 10—15 минут? Да и не всегда законники имеют первые уроки, и, следовательно, не всегда и бываешь на утренней молитве.

Итак, что единственными местами для соответствующих беседований с учащимися, имеющими огромное воспитательное значение, должны быть храм и притом домовый школьный.

Мы думаем, что из всего сказанного следует прийти к заключению, что для реальной работы на нравственно-нравственного воспитания в школах необходимо прежде всего этого домового школьного храма; необходимыми являются и преданные своему делу воспитатели, среди коих первое место, несомненно, должно принадлежать священнику; законники должны быть поставлены в условия, при которых у него не являлось бы необходимости иметь уроки вне данного учебного заведения; законники не должны быть классными наставниками в каком-либо определенном классе, а должны пользоваться правом наставника всех классов учебного заведения.

Мы уверены, что только при этих условиях и только при полной солидарности взглядов на этот вопрос всего педагогического совета учебного заведения возможно хотя и медленное, но верное воспитание духа бодр, столь необходимого вообще, а в наше время — в особенности.

Педагог.

Балерина Императорских театров

А. П. Павлова

(в ее выступлении 31-го мая в Большом театре народного дома Императора Николая II, в Петербурге).

жизни, лучшей и более осмысленной. Он часто сжидает видения таких людей и он не может не подумат:

— А хорошо было бы и мне так познать!

И вот, он идет в кинематограф и за какие нибудь пятнадцать копеек покупает себе часть, а то и два замечательных грезов. Он видит на экране прекрасных героинь, идеальных героинь и красную жизнь, идеальную героиню и прекрасные поступки. И там, в темной зале, он забывает, кто он такой и какое он место занимает на жизненном пути, и становится каллиграфом на части, в грезах воплощается в призрачных героинь экрана и живет их красной и благородной жизнью. Он не знает в кинематографическую свою истинную тоску по разносторонней и многогранной жизни, полной высоких чувств и идеальных стремлений.

Так было и с Таней. После омути уличного большого города, она, раздобыв дуэргиром, шла в кинематограф и там, в темной зале, она забывает, кто он такой и какое он место занимает на жизненном пути, и становится каллиграфом на части, в грезах воплощается в призрачных героинь экрана и живет их красной и благородной жизнью. Он не знает в кинематографическую свою истинную тоску по разносторонней и многогранной жизни, полной высоких чувств и идеальных стремлений.

Однажды случилось, что Таня встретила в кинематографе с Киришей. Приказчик из бакалейной лавки. Кириша была незнакомой личностью, но «симпатичной».

Вечером он зашел в кинематограф и сел на дешевом месте. Рядом с ним оказался Таня и он запримечтал ее. Она, с своей стороны, обратила на него внимание и дело кончилось тем, что уже во время первого отделения они познакомились.

Правду о себе она сказала не пошла. Объяснила только, что живет у дяди бонди и что она сирота.

Из кинематографа она, сверх обычного, возвратилась домой, из слободы, и Кириша явился ее провожать.

Чуть то новым повзросл. Скоро шла Таня рядом с Киришей и внимательно прислушивалась к тому, что он ей говорил. Она чувствовала, что Кириша боится, не ожидая понимания у ней, близости, и хотело идти рядом с ней без конца, куда глаза глядят.

Таня, несомненно вошла одна в квартиру дяди, легла, не раздеваясь и всю ночь до рассвета не спала, все мечтала о Кирише.

Стали они встречаться часто. Все в кинематографах, сиди перед экраном, наблюдали за призрачной жизнью призрачных героинь экрана.

Таня влюбилась в Киришу и душу готова была отдать за него. Но она боялась будущего и когда Кириша заводил

Речь В. В. Шульгина в Госуд. Думе, сказанная при обсуждении законопроекта об ответственности депутатов.

«Я буду голосовать за переход к атому законопроекту, — говорит В. В. Шульгин, — не потому, что считаю бы его совершенным, ибо этот законопроект, по моему, имеет один существенный недостаток: он, как комета, имеет хвост, гораздо больший, чем само тело. Этот хвост — то положение, которое присоединено к самому законопроекту и которое представляет из себя такую же туманность, как хвост каждой кометы, ибо будет ли когда нибудь осуществлено это положение и в какой форме оно будет осуществлено — совершенно неясно. Это, между прочим, было одной из причин, почему фракция националистов предлагала отложить этот законопроект. Но, господа, из двух зол приходится выбирать меньшее, а меньшее зло — это все-таки этот законопроект в том виде, в каком он нам внесен сравнительно с тем толкованием наших прав, которое угодно было принять правительственным кругам. Видя правительственное толкование нельзя не размышлять, как уравнивание нашего права свободы слова с правами обыкновенных граждан. По такое толкование с моей точки зрения не выдерживает ни малейшей критики, ибо если бы это было так, то с точки зрения здравого смысла, совершенно излишней являлась бы ст. 14. Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеиста власти, что они совершили тот или иной незаконный проступок, то мы можем ошибаться, но решительно никакого права привлечь нас за клевету представители правительства не имеют, потому что мы исполняем только свой долг, как члены Гос. Думы. В этом существенное различие между нашими правами и правами остальных граждан. Если вещи, которые должны быть преступными для нас, членов Гос. Думы. Но для нас должно существовать особое законодательство. В этом проекте оно не развито, оно указано плохо и туманно, но, что нам предлагают, все-таки значительно лучше того, что предлагает правительство. Поэтому в настоящую минуту нужно выбрать из двух зол меньшее и нужно совершенно категорически сказать свое мнение. Во политическую жизнь, как и в частной жизни, есть склонность к тому, что плохо лежит, тащит. Намного голосованием мы должны сказать, что свобода слова лежит хорошо».

Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеиста власти, что они совершили тот или иной незаконный проступок, то мы можем ошибаться, но решительно никакого права привлечь нас за клевету представители правительства не имеют, потому что мы исполняем только свой долг, как члены Гос. Думы. В этом существенное различие между нашими правами и правами остальных граждан. Если вещи, которые должны быть преступными для нас, членов Гос. Думы. Но для нас должно существовать особое законодательство. В этом проекте оно не развито, оно указано плохо и туманно, но, что нам предлагают, все-таки значительно лучше того, что предлагает правительство. Поэтому в настоящую минуту нужно выбрать из двух зол меньшее и нужно совершенно категорически сказать свое мнение. Во политическую жизнь, как и в частной жизни, есть склонность к тому, что плохо лежит, тащит. Намного голосованием мы должны сказать, что свобода слова лежит хорошо».

Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеиста власти, что они совершили тот или иной незаконный проступок, то мы можем ошибаться, но решительно никакого права привлечь нас за клевету представители правительства не имеют, потому что мы исполняем только свой долг, как члены Гос. Думы. В этом существенное различие между нашими правами и правами остальных граждан. Если вещи, которые должны быть преступными для нас, членов Гос. Думы. Но для нас должно существовать особое законодательство. В этом проекте оно не развито, оно указано плохо и туманно, но, что нам предлагают, все-таки значительно лучше того, что предлагает правительство. Поэтому в настоящую минуту нужно выбрать из двух зол меньшее и нужно совершенно категорически сказать свое мнение. Во политическую жизнь, как и в частной жизни, есть склонность к тому, что плохо лежит, тащит. Намного голосованием мы должны сказать, что свобода слова лежит хорошо».

Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеиста власти, что они совершили тот или иной незаконный проступок, то мы можем ошибаться, но решительно никакого права привлечь нас за клевету представители правительства не имеют, потому что мы исполняем только свой долг, как члены Гос. Думы. В этом существенное различие между нашими правами и правами остальных граждан. Если вещи, которые должны быть преступными для нас, членов Гос. Думы. Но для нас должно существовать особое законодательство. В этом проекте оно не развито, оно указано плохо и туманно, но, что нам предлагают, все-таки значительно лучше того, что предлагает правительство. Поэтому в настоящую минуту нужно выбрать из двух зол меньшее и нужно совершенно категорически сказать свое мнение. Во политическую жизнь, как и в частной жизни, есть склонность к тому, что плохо лежит, тащит. Намного голосованием мы должны сказать, что свобода слова лежит хорошо».

Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеиста власти, что они совершили тот или иной незаконный проступок, то мы можем ошибаться, но решительно никакого права привлечь нас за клевету представители правительства не имеют, потому что мы исполняем только свой долг, как члены Гос. Думы. В этом существенное различие между нашими правами и правами остальных граждан. Если вещи, которые должны быть преступными для нас, членов Гос. Думы. Но для нас должно существовать особое законодательство. В этом проекте оно не развито, оно указано плохо и туманно, но, что нам предлагают, все-таки значительно лучше того, что предлагает правительство. Поэтому в настоящую минуту нужно выбрать из двух зол меньшее и нужно совершенно категорически сказать свое мнение. Во политическую жизнь, как и в частной жизни, есть склонность к тому, что плохо лежит, тащит. Намного голосованием мы должны сказать, что свобода слова лежит хорошо».

Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеиста власти, что они совершили тот или иной незаконный проступок, то мы можем ошибаться, но решительно никакого права привлечь нас за клевету представители правительства не имеют, потому что мы исполняем только свой долг, как члены Гос. Думы. В этом существенное различие между нашими правами и правами остальных граждан. Если вещи, которые должны быть преступными для нас, членов Гос. Думы. Но для нас должно существовать особое законодательство. В этом проекте оно не развито, оно указано плохо и туманно, но, что нам предлагают, все-таки значительно лучше того, что предлагает правительство. Поэтому в настоящую минуту нужно выбрать из двух зол меньшее и нужно совершенно категорически сказать свое мнение. Во политическую жизнь, как и в частной жизни, есть склонность к тому, что плохо лежит, тащит. Намного голосованием мы должны сказать, что свобода слова лежит хорошо».

Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеиста власти, что они совершили тот или иной незаконный проступок, то мы можем ошибаться, но решительно никакого права привлечь нас за клевету представители правительства не имеют, потому что мы исполняем только свой долг, как члены Гос. Думы. В этом существенное различие между нашими правами и правами остальных граждан. Если вещи, которые должны быть преступными для нас, членов Гос. Думы. Но для нас должно существовать особое законодательство. В этом проекте оно не развито, оно указано плохо и туманно, но, что нам предлагают, все-таки значительно лучше того, что предлагает правительство. Поэтому в настоящую минуту нужно выбрать из двух зол меньшее и нужно совершенно категорически сказать свое мнение. Во политическую жизнь, как и в частной жизни, есть склонность к тому, что плохо лежит, тащит. Намного голосованием мы должны сказать, что свобода слова лежит хорошо».

Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеиста власти, что они совершили тот или иной незаконный проступок, то мы можем ошибаться, но решительно никакого права привлечь нас за клевету представители правительства не имеют, потому что мы исполняем только свой долг, как члены Гос. Думы. В этом существенное различие между нашими правами и правами остальных граждан. Если вещи, которые должны быть преступными для нас, членов Гос. Думы. Но для нас должно существовать особое законодательство. В этом проекте оно не развито, оно указано плохо и туманно, но, что нам предлагают, все-таки значительно лучше того, что предлагает правительство. Поэтому в настоящую минуту нужно выбрать из двух зол меньшее и нужно совершенно категорически сказать свое мнение. Во политическую жизнь, как и в частной жизни, есть склонность к тому, что плохо лежит, тащит. Намного голосованием мы должны сказать, что свобода слова лежит хорошо».

Видя само собой очевидно, что мы не можем иметь меньше прав, чем обыкновенные граждане. Когда определяется, что преступно и не преступно, то нужно обратить внимание не только на то, что говорится, но и на то, что говорится и по какому поводу говорится. Мы знаем, например, если кто нибудь из нас распространит о другом гражданском слухи, то он совершил страшное преступление, что, напр., он убийца, то этот гражданин может привлечь его за клевету. Но если кто высказывает тот же самый гражданин в качестве, скажем, прокурора, то дело совершенно иная. Хотя бы человек, относительно которого прокурор утверждает перед присяжными заседателями, что он убийца, оправдал, тем не менее он никакого неса не клеветы не может предъявить прокурору, так как в данном случае последний говорит, как прокурор, и этим он заимствует. Здесь если не полная аналогия, то большое сходство с нашим положением. Видя когда мы, напр., вносим запрос и говорим относительно того или иного атеист

...тому, что въ пиво вливалъ какой то порошокъ, но тотъ не придалъ значения этому предупреждению и выпилъ пиво, замѣтивъ, что оно нѣтъ, гдѣ и ему никакого аза не сдѣлалъ. А если и насыпалъ яду, то ему грѣхъ будетъ". Но распространивъ, Кенсъ замѣтилъ, что пиво имѣетъ горькій вкусъ и сказалъ, что пиво Гордишчука туда хины бросилъ.

